

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'367.2

АДВЕРБИАЛИЗОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В АСПЕКТЕ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

А. В. Дегальцева

Саратовский государственный университет
E-mail: deganna@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению адвербиализованных конструкций в аспекте актуального членения предложения на материале современной художественной прозы и газеты.

Ключевые слова: семантическое осложнение простого предложения, адвербиализация, морфологизованный и неморфологизованный способы выражения адвербиального признака, актуальное членение предложения.

Adverbial Constructions in the Aspect of Communicative Sentence Structure

A. V. Degaltseva

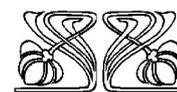
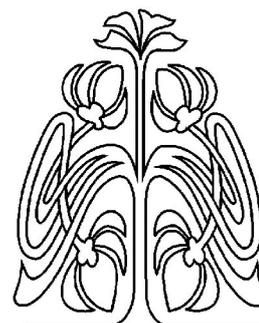
The article is dedicated to the examination of adverbial constructions in the aspect of communicative sentence structure in modern fiction and press.

Key words: semantic complication of a simple sentence, adverbialisation, typical and atypical ways of expressing adverbial feature, communicative sentence structure.

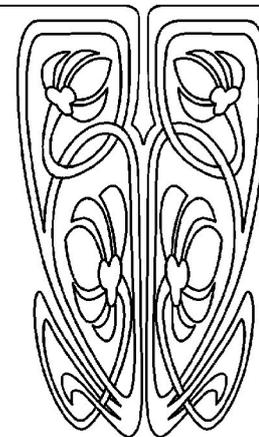
Как известно, порядок слов в русском языке выполняет две основные функции: грамматическую и коммуникативную. В первом случае он организует слова в словосочетания, обеспечивая их целостность, и отвечает за построение предложения, во втором – служит средством актуального членения предложения и относится к области прагматики¹. Совершенно ясно, что логика повествования требует расположения известной информации (образующей тему высказывания) перед неизвестной, новой (ремой). Вместе с тем очевидно, что говорящий или пишущий организует высказывание так, чтобы выделить наиболее существенную для него информацию. В связи с этим важная для адресанта, а значит, новая для адресата информация может предшествовать известной. В таких случаях довольно часто имеет место расхождение грамматической и коммуникативной функций порядка слов.

В данной работе мы будем рассматривать адвербиализованные конструкции с позиции актуального членения предложения. Суть семантико-синтаксического процесса адвербиализации заключается в том, что лексема, выражающая адвербиальный признак (наречие или функционально замещающая его предложно-падежная форма существительного), грамматически связана с глаголом-предикатом, тогда как семантически соотносится с субъектом или со всей ситуацией. Нас будет интересовать, какую роль адвербиализованный компонент с качественно-характеризующим значением играет в актуальном членении предложения. Для реализации этой задачи нами было проанализировано по 50 000 предикативных единиц из художественного текста (Д. Рубина, Л. Улицкая, А. Азольский, Л. Нетребо) и газетных публикаций («Московский комсомолец» и «Аргументы и факты. Саратов»).

Для наречий и предложно-падежных форм существительных в составе адвербиализованных конструкций типична роль ремы². Чаще всего они входят в рему в качестве одного из ее компонентов: *Берта уходила на кухню и сокрушенно мыла посуду* (Л. Улицкая. Пиковая дама)³; *На протяжении двух тысяч лет христиане всего мира с радо-*

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

стью и надеждой обращают мысленные взоры к событию, ставшему переломным в истории человечества (МК. 05.01.2010).

В абсолютном начале или конце предложения адвербиализованные компоненты могут выступать в роли собственно ремы⁴: *Радостно* приносила она матери свои кропотливые изделия, та гладила ее по голове и одобряла: «Очень красиво, Милочка!» (Л. Улицкая. Пиковая дама); Он всему вел учет и счет, описывал природу и погоду *скрупулезно и дотошно* (Л. Улицкая. Сквозная линия)⁵; *Готовить ребёнка к школе необходимо с любовью и терпением* (АиФ. Саратов. 22.07.2009).

Одним из факторов, обеспечивающих целостность и связность текста, являются коммуникативные средства – тема-рематические цепочки. Большинство текстовых фрагментов объединяется общим характером ремы, который Г. А. Золотова называет рематической доминантой⁶. Следуя ее подходу, можно отметить, что адвербиализованные конструкции участвуют в создании качественной доминанты отдельных фрагментов художественного текста:

Ест он аристократически-отстраненно, с выражением лица благосклонно безразличным, и рука его того же оттенка, что слоновая кость черенка рыбной серебряной вилки. Лицо у Ивана Мурадовича было лишено выражения, и уж во всяком случае никакого отношения к пище – восторженного, оценивающего или жадного – на нем не написано. (Л. Улицкая. Сквозная линия). В данном отрывке адвербиализованные компоненты, наряду с прилагательными и причастиями, помогают раскрыть образ персонажа через его поведение за столом. Герой был известным врачом, вращался в светских кругах, никогда не нуждался в деньгах. Он был гурманом, и еда как средство насыщения его не интересовала. Мужчину сложно было удивить какими-нибудь кулинарными изысками.

Как отмечает сама Г. А. Золотова, во многих текстах разные доминанты вступают во взаимодействие друг с другом, образуя сложное смысловое единство⁷. В пределах текста адвербиализованные конструкции часто взаимодействуют с глаголами, образуя акционально-качественную доминанту:

Тут Томочка открыла перед ним входную дверь и твердо сказала:

– А теперь уходи.

Он все отлично понял, обманно шагнул в сторону двери, потом резко развернулся возле калитки и, сделав молниеносный полукруг по квартире, шмыгнул под книжный шкаф.

– Не хочет уходить, – *тоскливо* сказала Нина. – *Напрасно мы его накормили.*

– *Ксс-ксс, – страстно* шипела Тома, но кот не реагировал.

Нина вынесла из ванной швабру и зло сунула под шкаф (Л. Улицкая. Сквозная линия).

В данном отрывке объединяются акциональная и качественная доминанты. Автор рассказывает о том, как женщина пытается выдворить из дома уличного кота, который часто забирается к ней в квартиру. Наряду с глаголами, которые передают динамику действия (*открыла, шагнул, шмыгнул* и др.), значимыми оказываются и адвербиализованные компоненты. Наречия *твердо, тоскливо, страстно* и *зло* передают волевое и эмоциональное состояние героини. Наречие *обманно* характеризует действия кота, который дразнит женщину, вовсе не собираясь уходить.

Вера привезла в свою однокомнатную малогабаритку на последнем, четвертом, этаже этюдник, книги, картины и Сократуса в рюкзаке... Кот выпрыгнул в пустой комнате, ошалело огляделся, и до вечера обхаживал новое жильё, оскорбленно уворачиваясь от нежностей, бесшумно возникая то в кухне, то в ванной... Потом оба поужинали купленными по пути сырыми сосисками, и Сократус хмуро улегся на Вериных тапочках (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы)⁸. В этом отрывке также взаимодействуют акциональная и качественная доминанты. Наречия позволяют охарактеризовать поведение кота, шутивно-претенциозно названного Сократусом. Ему не понравилось сидеть в рюкзаке, но особенно он был недоволен тем, что хозяйка переехала в тесную однокомнатную квартиру. Как видно из выбора наречий (*ошалело, оскорбленно, хмуро*), автор придает Сократусу некоторые человеческие черты, что делает этого персонажа величавым, важным, но вместе с тем и комичным.

Адвербиализованный компонент в позиции ремы может находиться в препозиции или постпозиции по отношению к глаголу. От каких факторов это зависит?

Прежде всего, от морфологического выражения. Если адвербиализованный компонент выражен морфологизованной формой – наречием, то для него будет характерна препозиция: *Женщине хотелось раздеться, она весело кричала об этом детям, обмыться хотя бы по пояс. Но оборачиваясь на прохожих, она лишь высоко поднимала плечи, сокрушенно вздыхала, и снова и снова наклонялась к струе, омывала открытые части тела* (Л. Нетребко. Икебана)⁹; *Зверь прятался от людей за деревьями и мусорными баками, а на того, кто пытался к нему приблизиться, угрожающе рычал* (МК 24.07.2010); *Тусовщики будут веселиться в главных клубах Саратова – зажигать под отличную электронную музыку или лениво потягивать шампанское за барной стойкой, наслаждаясь стриптизом на сцене и буйством прочих празднующих* (АиФ. Саратов. 27.12.2006).

Для предложно-падежной формы существительного – неморфологизованного способа выражения адвербиального признака – грамматика предписывает постпозицию: – *Хотя в настоящее время я преподаю историю нашего города, – ска-*

зала она **со скромной гордостью**. – Я педагог (Л. Улицкая. Сквозная линия); *«Есть в Думе законопроект, который предполагает раздать по 4 миллиона рублей каждому россиянину»*, – произнес Грызлов **с усмешкой**, которую так редко можно увидеть на его непроницаемом лице (МК. 01.07.2007); *«Хочу, чтобы люди шли к нам с удовольствием»* (МК. 02.07.2009).

Довольно редко встречаются случаи употребления при одном глаголе-предикате двух адвербиализованных компонентов, выраженных разными способами: морфологизованным (наречием) и неморфологизованным (предложно-падежной формой существительного). В таких высказываниях обстоятельства располагаются в соответствии с их грамматической функцией: наречие – перед глаголом, существительное – после него: *Сидела и **подобострастно кивала** с **сокрушенным видом*** (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Существенную роль в определении позиции адвербиализованного компонента по отношению к глаголу играет коммуникативно-прагматический фактор. Когда автор хочет акцентировать читательское внимание на слове, он изменяет его привычное, нормативное расположение. Это приводит к тому, что коммуникативная позиция лексемы начинает преобладать над ее грамматической позицией. Поскольку наречие в синтагматически зависимых высказываниях способно нести в себе собственно новую информацию, т. е. ту, ради которой и создавалось высказывание¹⁰, происходит процесс актуализации этой информации: глагол выступает в качестве темы, а наречие перемещается в постпозицию. Оказавшись в абсолютном конце предложения, оно выступает в качестве собственно ремы или, по терминологии Т. Е. Янко, акцентоносителя ремы¹¹. Абсолютная постпозиция наречия помогает автору акцентировать на нем внимание читателя:

*В эти несколько секунд она смотрела в его лицо **жадно, отчаянно**, пытаясь уцепиться за взгляд, как цепляется побелевшими пальцами за карниз подоконника человек, выпавший из окна восьмого, скажем, этажа* (Д. Рубина. Высокая вода венецианцев)¹². В данном высказывании наречия и деепричастный оборот входят в рему, именно они раскрывают эмоциональное состояние пациентки, которая уже видит во взгляде доктора смертный приговор, но все же пытается по выражению его лица понять, есть ли у нее надежда на излечение.

В высказываниях с инверсией наречие всегда будет находиться в абсолютной постпозиции:

*Вернулась она **тихо**: позвонила в дверь двумя неуверенными звонками и, когда Вера открыла, прослезилась и обмахнула щеки дочери такими же неуверенными поцелуями* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Наречие **тихо** находится в позиции ремы и является собственно новым: именно на него приходится основная смысловая нагрузка. Наречие характеризует поведение

женщины: героиня обладала буйным нравом и обычно вела себя нагло и развязно, однако теперь, возвращаясь из тюрьмы, она чувствовала некоторую неуверенность, не знала, чего ожидать от дочери, которая на время ее отсутствия стала хозяйкой квартиры.

Случаи, когда наречие в препозиции становится собственно ремой, довольно редки. Они характерны для частно-верификативных высказываний: – *В интервью вам задавали много вопросов о семье. Обычно вы **охотно** говорите на эту тему или стараетесь ее обходить?* (МК. 29.05.09).

В художественной речи нам встретились высказывания, в которых главное в словосочетании слово может быть опущено, поскольку основная коммуникативная нагрузка приходится на зависимое:

– *Ты с кем болталась? – Ни с кем, – **привычно, спокойно**. Не ответ, а заслонка от надоедливой ругани* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Глагол легко восстанавливается из контекста (ответила, отрезала, бросила и т. д.). Наречия своей лапидарностью напоминают авторские ремарки в пьесах. Отсутствие глагола значимо: можно предположить, что оно придает высказыванию лаконизм, помогает писателю создать впечатление короткой, брошенной вскользь фразы.

*А тут она этой красавице – ни да, ни нет, **извилисто и многозначительно**, как и полагается гадалке, – то ли ребенок будет, то ли нет, но лучше, чтобы его не было...* (Л. Улицкая. Сквозная линия). Основная смысловая нагрузка приходится на наречия, характеристика действия оказывается важнее сообщения о самом действии. Здесь отсутствие глагола, на наш взгляд, также значимо: гадалка не говорит женщине прямо, что она видит, потому что не хочет испугать клиентку.

Чтобы привлечь внимание читателя к важному для автора фрагменту текста или слову, в том числе и адвербиализованному компоненту, писатели нередко используют сегментированные и расчлененные синтаксические построения. Адвербиализованный компонент в них всегда занимает постпозицию. Такого рода структуры сближают речь письменную со спонтанной разговорной речью¹³:

*Боже милостивый, как они лгут! Речь идет, конечно, только о тех, кто, в отличие от Пенелопы, к этому одарен... **Вскользь, невзначай, бесцельно, страстно, внезапно, исподволь, непоследовательно, отчаянно, совершенно беспричинно**...* (Л. Улицкая. Сквозная линия). При организации этого высказывания автор использует парцелляцию как одно из средств речевой экспрессии и актуального членения высказывания. Парцелляты всегда располагаются дистантно по отношению к базовой части сообщения. Они всегда акцентированы и рематизированы¹⁴. Здесь одно предложение фактически разбито на три, что создает имитацию разговорной речи. Глагольное словосочетание разделяют вторая и третья пре-

дикативные единицы, представляющие собой вставочное высказывание-замечание. В качестве последнего парцеллированного сегмента выступает сочинительный ряд наречий. Именно он является смысловым ядром высказывания. Нельзя не согласиться с О. Б. Сиротининой, отмечающей, что дистантное расположение наречий только усиливает их коммуникативную значимость¹⁵. Парцелляция в данном случае выполняет не только функцию актуализации информации. Парцеллированное высказывание входит в состав авторских вступительных рассуждений, предваряющих первую главу книги. Эти размышления посвящены лейтмотиву произведения – женской лжи. Полно и многогранно охарактеризовать «сквозную линию» романа писателю помогает сочинительный ряд наречий. Таким образом, парцеллированные конструкции здесь служат средством эстетического воздействия на читателя и участвуют в построении структуры произведения.

Ласковым движением рыжая сунула ей стакан, и та взяла его в обе руки. С интересом. Впечатление было такое, что не все на свете она забыла... (Л. Улицкая. Сквозная линия). В данном высказывании речь идет о пожилой женщине, перенесшей инсульт. Вследствие болезни она плохо ориентируется в происходящем, однако стакан с вином, который протягивает ей дочь, вызывает у женщины интерес. Наречие, описывающее ментальное состояние персонажа, является значимым, поэтому автор акцентирует на нем внимание, прибегая к использованию парцеллированной конструкции. Ср. примеры подобного рода: *Но мы уже величали друг друга: «господа офицера» – со смачным ударением на последнем слоге. Конечно, дурачась. Но с тайным взаимоважением...* (Л. Нетребо. Господа офицера)¹⁶; *А как он ел! Медленно, аккуратно, салфеточка на коленях, ножом-вилкой не гремит* (Л. Улицкая. Сквозная линия).

Помимо парцелляции писатели и журналисты используют присоединительные конструкции, которые выступают в роли попутных замечаний. Их использование также связано с влиянием разговорной речи на рассматриваемые нами сферы общения. Такие структуры способствуют актуализации заключенной в них информации. Слова, входящие в присоединительные конструкции, выделяются на письме графически (с помощью тире и круглых скобок), устно – просодическими средствами (интонацией и собственным, отдельным от фразового ударением):

Нога его, обутая в добротный ботинок из свиной кожи, а вовсе не босая, коснулась – не без отвращения – камня размером с воловьью голову (А. Азольский. Монахи)¹⁷; *Тем не менее братья (не без колебаний, правда), уязвленные, видимо, строптивостью деревенской дурочки, завели на нее дело...* (А. Азольский. Лопушок)¹⁸; *Впрочем, еще вечером понедельника отечественные СМИ (кто с радостью, кто с грустью) сообщали, что*

Ариавин остается в питерском клубе (АиФ. Саратов. 03.02.2009); *Зарабатывать с радостью и тратить – тоже с радостью, а не со вздохом приговорённого к урановым рудникам* (АиФ. Саратов. 25.01.2010); *Этого человека не стало 29 лет назад, а через три дня – в годовщину смерти – люди вновь вспомнят его: с любовью, с трепетом, что называется, от души* (МК. 21.07.2009).

В высказываниях, где рема предшествует теме, наречия и деадъективы, образующие собственно ремю, могут находиться в абсолютной препозиции. Как известно, при положении ремы перед темой компоненты, образующие ремю, выделяются сильнее, чем при прямом порядке слов¹⁹. Такой порядок слов эмфатичен²⁰. На первое место выносятся наиболее значимое для данного высказывания, важное в смысловом отношении слово, несущее эмоциональную и психологическую нагрузку. Оно становится интонационным центром предикативной единицы:

В глубокой задумчивости сидел он на кухне, и сомнения раздирали его (А. Азольский. Лопушок). Автору важно не сообщить о положении героя в пространстве, но передать эмоциональное состояние персонажа. *С дружеской откровенностью признались, что их диссертации (будто Андрей Николаевич не знал этого!) давно уже написаны, год назад могли они защититься, но природная щепетильность не позволяет им уравнивать себя с ним* (Там же); *С уверенностью никто не знает, хоронили ли вообще* (Л. Улицкая. Сквозная линия); *С удивлением она вспоминала, что с утра не ела, да и не хотелось, собственно...* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Высказывания с абсолютной препозицией адвербиализованного компонента встречаются, как правило, в авторской речи. Они используются преимущественно при описании эмоционального, психологического или ментального состояния героев. Реже такие высказывания употребляются для характеристики ситуации: *Смешно ходил по комнате, пришеаркивая, заглядывая носом, как ворон клювом, то в один этюдник, то в другой* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). То, как художник ходил по комнате, вызывало смех у его ученицы.

Еще одним итогом влияния коммуникативного фактора, нарушающего грамматические правила расположения слов, является то, что автор старается размещать адвербиализованный компонент в непосредственной близости со словами героя. Наречие или адвербиализованная форма существительного, расположенные рядом с репликой, помогают точнее передать эмоциональное, психологическое или ментальное состояние героя в момент речи. Это усиливает впечатление от сказанного и способствует тому, что у читателя создается необходимое автору восприятие слов героя. Когда авторская речь («слова автора») предшествует прямой речи («словам героя»), наречие может занимать абсолютную постпозицию в пределах данной предикативной единицы. При

таком расположении на наречие приходится фразовое ударение, поскольку именно оно является смысловым центром предикативной единицы: *Уже на пороге он сказал **озабоченно**: – Хорошо, что я по соседям сперва не двинулся* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *Он приблизил к ее дикому, залитому слезами лицу свое – худое, с длинными морщинами на вдавленных щеках, вроде даже отчужденное – и проговорил **строго**: – Катя! Не безобразь!* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *Майзель записывал обнаженным пером паркера, переводя коллеге текст, пока не спохватился и не заорал **в ужасе**: «Вы мне ответите за провокацию!»* (А. Азольский. Клетка)²¹. Адвербиализованная предложно-падежная форма может занимать препозицию, когда прямая речь предшествует словам автора: *– А может, она пригласила ее в гости? – **с издевкой** предположила та и так же двинулась в противоположную сторону* (А. Азольский. Лопушок); *– Кентавра? – **с серьезным любопытством в глазах** спросил Стасик* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *«Русский гений может пробиться даже в Манчестере», – **с гордостью** за наших ученых высказался вице-президент Российской академии наук Геннадий Месяц* (МК. 05.10.2010).

Наш материал показывает, что в современной прозе и газете для наречия, входящего в рему, в большинстве случаев характерна препозиция. Такое расположение предписывает его грамматический статус. По нашим данным, в газетных публикациях препозиция наречия составляет примерно 86%, в художественной прозе – 83%, т. е. результат примерно одинаков. Однако мы заметили, что если адвербиальный признак выражен неморфологизованным способом – предложно-падежной формой существительного, – то обычно такая лексема занимает препозицию, что не соответствует грамматической норме ее расположения. Согласно нашим наблюдениям, в газетных публикациях 85% таких лексем занимают препозицию, в художественной прозе процент препозиции приближается к 56%. Чем можно объяснить такой результат? Во-первых, это связано с влиянием коммуникативного фактора, о котором было сказано выше: препозиция позволяет привлечь читательское внимание к необходимому для автора слову, а расположение адвербиального компонента в непосредственной близости к репликам героя делает их более наглядными для читательского восприятия. Вторая причина, на наш взгляд, связана с тем, что в последнее время усиливается влияние разговорной речи на многие сферы общения²². Согласно исследованиям О. Б. Сиротининой и И. И. Ковтуновой, для обстоятельств образа действия, выраженных неморфологизованной формой, в художественной прозе характерна постпозиция (в соответствии с грамматической нормой), а препозицию такие лексемы занимают в разговорной или стилизованной разговорной речи²³. Однако в нашем случае

препозиция адвербиализованных предложно-падежных форм существительных распространяется гораздо дальше. Это явление встречается не только в стилизованной разговорной речи, но и в словах автора: *А теперь она **с душевной тошнотой и безгласностью** пропускала мимо ушей хвастливые монологи и **с грустью** думала о том, что утро, столь много обещающее, у нее пропало* (Л. Улицкая. Сквозная линия); *Блестя повлажневшими глазами, дочь **с восторгом** подхватила запретную тему...* (А. Азольский. Лопушок); *В русских народных сказках ее почтительно называют Патрикеевной и **с усмешкой** говорят о ее ловкости и хитрости* (МК. 11.12.2008).

Таким образом, для адвербиализованных конструкций характерна позиция ремы. Согласно нашим данным, наречие и предложно-падежная форма существительного, входящие вместе с глаголом в рему, в большинстве случаев занимают препозицию. Однако для неморфологизованного способа выражения адвербиального признака такое положение нехарактерно, оно противоречит грамматической норме. Активизация случаев препозиции предложно-падежных форм связана с воздействием коммуникативного фактора на лексему и усилением влияния разговорного синтаксиса на письменную речь. Чтобы акцентировать внимание на адвербиализованном компоненте, писатели и журналисты организуют высказывание так, что он выступает в качестве собственно ремы, занимая абсолютную постпозицию или – реже – абсолютную препозицию. Кроме того, выделить наречие или предложно-падежную форму существительного автору помогает использование сегментированных или парцеллированных конструкций.

Примечания

- 1 См.: Русская грамматика : науч. труды : в 2 т. М., 2005. Т. 2. С.190 ; Сиротинина О. Порядок слов в русском языке. М., 2006 ; Ковтунова И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- 2 См.: Ковтунова И. Указ. соч. М., 1976. С. 91.
- 3 Улицкая Л. Пиковая дама. Здесь и далее текст цитируется по: URL: http://www.100tomov.ru/russ_proza/Ulitskaya_Lyudmila/Pikovaya_Dama.gz/1/ (дата обращения: 03.02.2011).
- 4 См.: Ковтунова И. Указ. соч. С. 91.
- 5 Улицкая Л. Сквозная линия. Здесь и далее текст цитируется по: URL: http://www.100tomov.ru/russ_proza/Ulitskaya_Lyudmila/Skvoznaya_liniya.gz/1/ (дата обращения: 03.02.2011).
- 6 См.: Золотова Г. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979.
- 7 Там же.
- 8 Рубина Д. На солнечной стороне улицы. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://ilikebooks.ru/2766-rubina-dina-na-solnechnoj-storone-ulicy.html> (дата обращения: 11.11.2010).

- ⁹ *Нетребо Л.* Икебана. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://www.lib.ru/NEWPROZA/NETREBO/doctor.txt> (дата обращения: 19.11.2010).
- ¹⁰ См.: *Сиротинина О.* Указ. соч. ; *Ковтунова И.* Указ. соч.
- ¹¹ См.: *Янко Т.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- ¹² *Рубина Д.* Высокая вода венецианцев. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/RUBINA/venice.txt> (дата обращения: 11.11.2010).
- ¹³ См.: *Валгина Н.* Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
- ¹⁴ См.: *Языкознание. Большой энциклопедический словарь.* М., 1998.
- ¹⁵ См.: *Сиротинина О.* Указ. соч. С. 64.
- ¹⁶ *Нетребо Л.* Господа офицера. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://www.lib.ru/NEWPROZA/NETREBO/doctor.txt> (дата обращения: 19.11.2010).
- ¹⁷ *Азольский А.* Монахи. Здесь и далее текст цитируется по: URL: http://fictionbook.ru/author/anatoliyi_azolskiyi/monahi/read_online.html (дата обращения: 05.10.2010).
- ¹⁸ *Азольский А.* Лопушок. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://lib.ru/AZOLXSKIJ/lopushok.txt> (дата обращения: 05.10.2010).
- ¹⁹ См.: *Русская грамматика.* Т. 2. С.190.
- ²⁰ См.: *Сиротинина О.* Указ. соч. ; *Языкознание. Большой энциклопедический словарь.*
- ²¹ *Азольский А.* Клетка. Здесь и далее текст цитируется по: URL: <http://lib.ru/AZOLXSKIJ/kletka.txt> (дата обращения: 05.10.2010).
- ²² См.: *Норман Б.* Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами // *Русистика.* Берлин : № 1–2.1998. С. 57–68 ; *Валгина Н.* Указ. соч. ; *Кормилицына М.* Средства экономной передачи информации в современной прессе // *Stylistika XIV.* Opole, 2005. С. 497–505.
- ²³ См.: *Сиротинина О.* Указ. соч. С. 64, 76, 87 ; *Ковтунова И.* Указ. соч. С. 134.

УДК 811.161. 1'38

ВЛИЯЕТ ЛИ ГЕНДЕР НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИСКУРСИВОВ? (на материале письменного научного дискурса)

Е. Ю. Викторова

Саратовский государственный университет
E-mail: helena_v@inbox.ru

В статье приводятся результаты исследования гендерной специфики употребления различных видов дискурсивных слов в письменном научном дискурсе. Гендерные различия отмечены во всех группах дискурсивов, кроме организационно-структурных единиц.

Ключевые слова: дискурсивные слова, модальные слова, частицы, научный стиль, гендер, гендерная асимметрия, прагмакоммуникативные операторы, субъективная модальность.

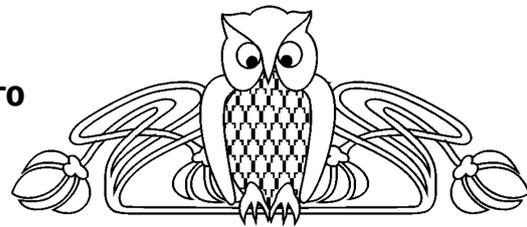
Does Gender Influence the Use of Discursive Words? (On the Material of the Written Scientific Discourse)

Ye. Yu. Viktorova

In the article the results of the research of gender specific use of different kinds of discursive words in the written scientific discourse are given. Gender differences have been marked in all groups of discursive words except for the organisational and structural units.

Key words: discursive words, modal words, particles, scientific style, gender, gender asymmetry, pragmatic communicative operators, subjective modality.

Исследование речевых единиц, отвечающих за логико-структурную организацию и модусное оформление дискурса, является отличительной чертой современной отечественной и зарубежной лингвистики. Терминология в этой области языкознания еще не устоялась и поражает разнообразием номинаций – текстовые скрепы, коннек-

торы, дискурсивные маркеры, модальные слова, логические частицы, прагматические операторы, скрепы-фразы, метатекстовые конструкции, структурные слова и т. д. Наиболее популярным термином, объединяющим такие коммуникативные единицы, является «дискурсивные слова», или «дискурсивы»¹.

В роли дискурсивов могут выступать как собственно дискурсивы (традиционно известные как вводные и модальные слова и обороты (*главным образом, без сомнения, собственно говоря*)), так и союзы и союзные слова (*если, но, причем*), частицы (*же, просто, как раз*), отдельные словосочетания (*в связи с этим, в данном случае, приведем примеры*), некоторые знаменательные части речи (*наречия сначала, фактически, прилагательное следующий* (например, во фразе *будем использовать следующие термины*)), формы модальных глаголов и наречий (*может, можно, должен*), клаузы, включенные в структуру предложения (*уместно вспомнить, что..., осмелимся утверждать, что...* – главные предложения; *как отмечает X, как известно – придаточные*), и даже целые предложения (*попытожем наиболее важное, список можно продолжить*).

Очевидно, что и лексически, и морфологически (и даже синтаксически) дискурсивы крайне разнородны, их невозможно отнести к какой-либо одной части речи. Однако основанием для выделения данной группы коммуникативных единиц является объединяющая их всех особая – дис-